

Локк скорчился в углу лачуги, продуваемой всеми ветрами. Пытаясь совладать с естественной для человеческого тела дрожью, он в очередной раз мысленно проклинал чету Виктор. Он не знал, какими людьми были его настоящие родители, но это не мешало ему их ненавидеть — уже за одно то, что они бросили трехлетнего ребенка страдать в подобной дыре.

«Дети ни в чем не виноваты», — упрямо твердил себе Локк. — «Тем более я — лишь гость в теле этого младенца. Малыш в силу возраста просто не мог совершить ничего столь ужасного. Значит, дело в грехах старшего поколения».

Оставалось лишь надеяться, что его биологическая мать не разрушила семейное счастье супругов Виктор. В противном случае становилось ясно, почему госпожа Виктор так его сторонится и подвергает подобным мучениям.

Эта догадка посетила Локка давно, но ради выживания он старался не забивать себе голову лишним. Ненависть делает человека сильнее — это он знал наверняка.

«Впрочем, любовь тоже должна помогать...» — Локк на мгновение помрачнел, вспомнив женщину, в которую влюбился с первого взгляда.

Он обвел взглядом убогое жилище. Повсюду царил нищета. Локк заставил себя отогнать любые мысли, способные вогнать в уныние. Умеренное давление подстегивает рост, но только оптимизм позволяет сохранить рассудок. А без здоровья о могуществе можно и не мечтать.

Внимание мальчика привлекла фигура домашнего эльфа, который возился в углу, пытаясь привести лачугу в порядок. Локк прищурился. Если он хочет стать сильным, что может быть лучше, чем учиться у существа, живущего столетиями и знающего уйму заклинаний? Причем учиться тайно, не вызывая подозрений.

Легенды гласили, что домовых эльфов создали маги древности для облегчения своего быта. Просто инструменты, лишённые всяких прав.

Локк всегда относился к подобным байкам с презрением. Волшебники не боги, чтобы сотворить существо с настолько сложной душой. Достаточно было взглянуть на их изменчивые характеры, живую мимику, плоть и кровь — нет, это определено была самостоятельная раса, некогда покоренная колдунами. Подобно тому, как американцы поступили с индейцами, маги, скорее всего, устроили эльфам кровавую резню и подавили их волю. Путь любого великого народа устлан трупами. Наверняка у эльфов когда-то было свое название, своя культура, своя гордость и достоинство... но теперь от этого не осталось и следа.

Даже Локк, чей статус в семье был немногим выше рабского, мог одним лишь покашливанием заставить это могущественное по своей сути существо дрожать от ужаса.

За долгие века рабства воля к сопротивлению была выжжена в них дотла. Каждое новое поколение становилось все более жалким. Где же оно, их бывшее величие?

Размышляя об этом, Локк, впрочем, не чувствовал желания что-то менять. Это было дело самих эльфов. Он сочувствовал им, но в конечном счете сам оставался магом, пусть и будущим, которому едва исполнилось три года.

— Молодой... господин... Локк, — Вино был последним домовиком семьи Виктор. На его плечах лежало все: готовка, уборка, латание крыш.

Он свято чтит кодекс домовых эльфов и гордился своим служением. Идеальный эльф — тот, чьего присутствия хозяин не замечает, пока не возникнет нужда.

Вино так и поступал, являясь лишь по первому зову хозяев. Он верил, что семья Виктор когда-нибудь восстановит свое величие, а потому старался быть еще незаметнее, еще тише...

Но сейчас бедный домовик, уверенный, что не совершил ни единой оплошности, замер в тягостном оцепенении.

«Что я сделал не так? Почему молодой господин перегородил мне дорогу и сверлит меня взглядом?»

Вино съежился. Собрав остатки мужества, он просипел:

— Молодой господин, вам что-то нужно?

Ответа не последовало. Вино продолжал стоять, мелко дрожа и глядя своими огромными навыворот глазами на ребенка, которого чета Виктор так явно презирала. В голове домовика роились панические мысли. Где он ошибся? Лишь осознание того, что положение Локка в доме немногим лучше его собственного, удерживало эльфа от того, чтобы немедленно начать биться головой о стену в наказание за нерадивость.

— Вино, — наконец заговорил Локк. Он тщательно скрывал свои намерения под маской детской наивности. Нельзя было исключать, что госпожа Виктор наблюдает за ним с помощью чар. Каждое слово проходило через жесткий внутренний фильтр. — Ты ведь умеешь колдовать?

— Вино умеет! Вино может делать для господ гораздо больше, это долг Вино!

— Отец и мать тоже владеют магией, так? — вкрадчиво спросил Локк. — Но я не умею. Вдруг они прогонят меня из-за этого?

— Молодой господин Локк, в вас тоже есть магия, — Вино тяжело поднял взгляд, глядя на мальчика снизу вверх. Возможно, их глаза стали такими большими именно из-за вечной необходимости смотреть на хозяев с этой позиции. — Просто сила маленьких волшебников до одиннадцати лет нестабильна. Обычно им запрещают колдовать дома без присмотра.

Локк кивнул, словно разрешив для себя великую загадку. Он даже схватил Вино за руки и весело закружился, воскликнув:

— Значит, папа и мама просто заботятся обо мне!

Мальчик так сильно сощурился, будто услышал самую радостную новость в мире. Когда он наконец отпустил эльфа, тот едва держался на ногах от головокружения, напоминая пьяного.

Конечно, это было лишь сравнение — домовые эльфы никогда не пили, считая, что алкоголь мешает работе. Но сегодня Вино лишний раз убедился: сильное головокружение ни к чему хорошему не ведет. Он почувствовал непреодолимое желание немедленно уйти к себе и лечь спать.

«Плохой Вино! Ленивый Вино!»

Локк вовремя остановил домовика, когда тот уже собирался наказать себя. С его точки зрения, все эти ритуалы самобичевания были лишь формой ментального контроля, навязанного первыми магами. Настоящее зомбирование, почище всяких деструктивных культов.

«Может, когда-нибудь я напишу историю угнетения эльфов?»

Локк посмотрел вниз, пряча вспыхнувший в глазах холод.

«Какая чушь. Какое мне дело до эльфов? Я сам как бумажный Будда, переправляющийся через реку — того и гляди развалюсь. Нужно думать о себе».

Он снова поднял взгляд, в котором плескалась лишь детская непосредственность.

— Но почему я совсем не чувствую магии? Наверняка дети в других благородных семьях уже все чувствуют. Я позорю родителей... Я такой бесполезный...

— Молодой господин, магия эльфов и магия волшебников — это две разные системы, — моргнул смысленый Вино, сразу уловив суть тревоги. — Возможно, вам стоит спросить об этом госпожу?

Спросить Вивиан Виктор? Учитывая, как она к нему относится, она скорее прикончит его, чем станет учить заклинаниям. Локк не сомневался: госпожа Виктор не раз подумывала о том, чтобы избавить мир от его присутствия.

Этот путь был закрыт.

Локк даже не притворялся, когда его лицо исказила гримаса глубокого разочарования. Неужели он обречен просто ждать своей участи? Всякая власть зиждется на силе, а без средств самозащиты его будущее будет коротким и кровавым.

Локк играл роль отчаявшегося ребенка настолько убедительно, что даже Мерлин мог бы расчувствоваться. Что уж говорить о Вивиан, которая действительно наблюдала за этой сценой.

Она со сложным чувством смотрела на магическую проекцию. Впервые этот хрупкий силуэт показался ей по-настоящему жалким. Прижав ладонь к груди, она слушала удары собственного сердца.

«Вивиан, неужели ты дрогнула?»

«Вивиан, мягкосердечие — худший порок для аристократки. Разве ты не знаешь, что этот ребенок в итоге погубит тебя?»

«Вивиан, он не заслуживает жалости. Он пришел, чтобы отнять все у твоих собственных детей».

«Семье Виктор не нужна слабая хозяйка. Ты должна была избавиться от него давным-давно...»

И все же Вивиан не сделала этого. С того самого дня, как Локк переступил порог поместья, его жизнь была в ее руках. Одно слово — и его бы не стало. Но почему она медлила?

Вивиан задавала себе этот вопрос в бесконечных попытках уснуть.

Ответ был прост и горек: это была плоть и кровь Эрика.

Как бы она ни ненавидела Локка, она не могла отрицать, что в его жилах течет половина крови ее мужа. Могла ли она уничтожить продолжение Эрика? Она помнила, как в начале их брака он страстно мечтал о наследнике.

Вивиан коснулась своего живота.

Почему Мерлин так жесток? Почему первым родился не их общий ребенок, а Локк?

«Локк, вини во всем свою мать, которая влезла в нашу жизнь. Это она обеспечила тебе такое детство».

Эта мысль приносила Вивиан облегчение. Локк был ни при чем, но это не мешало ей превращать его жизнь в ад.

И сейчас ничего не изменилось.

Вивиан еще долго спорила сама с собой, пока наконец не решилась. Она направилась в Семейную тайную комнату.

В этом сумрачном зале тускло мерцали магические лампы, наполняя воздух таинственным сиянием. Здесь было сухо, а воздух казался неестественно чистым. Каждая старинная семья владела подобным святилищем — чем древнее был род, тем надежнее и загадочнее была его сокровищница. Здесь хранились доказательства родства с Малфоями, артефакты, пропитанные древней силой, и родовые свитки. Со стен взирали портреты предков.

Вивиан почтительно поклонилась:

— Предки рода Виктор, я, Вивиан Виктор, прошу разрешения взять...

Она на мгновение замерла, глядя на генеалогическое древо в углу, где были вырезаны их с Эриком имена. Сердце обливалось кровью, но решение было принято.

Внезапно она подумала: а что, если в этой грядущей войне между Светлыми и Темными с ними с Эриком что-то случится? Что станет с родом?

Как она посмотрит в глаза Эрику, который всю жизнь грезил о возрождении величия семьи?

Она смертельно побледнела, ее голос дрогнул:

— Прошу выдать руководство по обучению наследника и сопутствующие книги.

Голос был настолько слабым, что предки на портретах переглянулись, не уверенные, что расслышали.

— Прошу выдать руководство по обучению наследника и сопутствующие книги! — повторила Вивиан, чувствуя, что еще один раз просто не выдержит.

— Ты уверена? Этот ребенок — бастард, — торжественно произнес голос с одного из портретов. — Старший сын наследует все. Если ты передашь ему знания, он станет законным преемником. Что бы ни случилось в будущем, твои собственные дети могут остаться ни с чем. Ты не сможешь это отменить.

Вивиан стиснула кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я...

— Похоже, ты сомневаешься. Пусть Эрик скажет сам.

Каким-то образом предки известили господина Виктора. Он ворвался в комнату и крепко обнял жену.

— Ты с ума сошла?! Будущее семьи принадлежит только нашему ребенку! В мире идет война, если я погибну, что станет с тобой? Вивиан, мне важна только ты!

Вивиан покачала головой.

— Я знаю. Но Локк — тоже твой сын. Только сделав его сильным, мы обеспечим выживание рода. Это твоя мечта, Эрик, а твои желания для меня — закон. К тому же я до сих пор не подарила тебе дитя. Если нас не станет, род Виктор прервется.

Она с трудом сглотнула и продолжила:

— Мальчик ни в чем не виноват. Я не могу заставить себя любить его, не могу перестать причинять ему боль... но я обязана дать ему то, что причитается по праву крови.

— Потому что я не просто твоя женщина. Я та, кто любит тебя больше жизни.

— Но я хочу, чтобы всё досталось только нашему ребенку, Вивиан!

Она прижала пальцы к его губам, в ее глазах читалась тихая тревога.

— Неделю назад чета Ковелл была убита сторонниками Темного Лорда. Неизвестно за что. Три дня назад чета Хэнк погибла от рук светлых магов по обвинению в связях с Пожирателями смерти. Эрик, это уже не просто стычки, это война. В мире маглов полыхает пожар, и наш мир не останется в стороне. Никто не в безопасности. Если ты погибнешь, я уйду вслед за тобой. И тогда род Виктор ляжет на плечи Локка. Даже если ему всего три года.

— Ты должна жить, Вивиан! — в ярости закричал Эрик. — Я запрещаю тебе даже думать о смерти!

— Ты не сможешь мне помешать. Ты сам это знаешь.

Эрик хотел возразить, но Вивиан, улучив момент, оглушила его заклятием.

— Предки, что вы скажете на это? — Вивиан вновь обрела свою обычную грацию, гордо выпрямившись посреди зала. Это было самое мучительное решение в ее жизни, потребовавшее невероятного мужества.

— Должен признать, Эрику несказанно повезло, что ты рядом с ним.

— Нет, это мне повезло быть с ним.

— Забирай книги. Но если когда-нибудь пожалеешь об этом — не вини нас.

— И еще... Не говорите Локку о том, что произошло сегодня.

Вивиан не хотела, чтобы он знал о ее жертве. Она оставалась гордой хозяйкой дома Виктор и не желала, чтобы этот ребенок питал к ней какие-либо неуместные чувства, даже если признание могло бы обеспечить ей спокойную старость.

Это была ее последняя крупца достоинства. Будущее принадлежало роду.

Выйдя из Семейной тайной комнаты, Вивиан швырнула старую, потрепанную книгу к ногам Вино.

— Обучай мальчишку по этой программе.

Она отвернулась, на ее бледном лице застыло выражение привычного презрения.

— Передай ему: если он не справится с тренировками, я лично вышвырну его из поместья. Пустьдохнет в снегу, мне всё равно!

Сказав это, Вивиан почувствовала, как тяжесть немного отступила. Расправив плечи, она стремительно вышла, оставив ошеломленного Вино смотреть ей вслед.

<http://bllate.org/book/17457/1692081>